

ОТЗЫВ

доктора искусствоведения В. Н. Галендеева

на диссертационную работу Е. В. Двизовой

«Дикция в искусстве сценической речи:

к проблеме формирования дикционной выразительности актера», представленной на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.01 – Театральное искусство.

В диссертации Е. В. Двизовой 151 страница, не считая библиографии и приложений. И, представьте, среди этого количества текста ни одной малосодержательной странички. Такое ощущение, что из темы выжато всё и даже больше. Поразительная информационная плотность. И в глубокоисторическом, и в новоисторическом, и в актуальном плане. Иногда даже жаль, что такая компрессивность исследования оставляет не вполне раскрытыми интереснейшие вещи (к примеру, на 148 стр. упоминание тренинга по «Сну в летнюю ночь». Хотелось бы поподробнее).

Не могу сказать, что всё в этой работе оказалось для меня легкодоступным. Сказывается разница в возрасте (немалая) и моя принадлежность к совершенно иному научному и педагогическому поколению. А у диссертантки много абсолютно нового, коренящегося в традиции, но выходящего далеко за ее пределы. Можно сказать, первая глава легко считывается традиционным профессиональным сознанием, а дальше начинаются сложности для человека который, как и все люди, полагает, что на нем, собственно, всё и заканчивается.

Попытаюсь описать суть дела (а, слава Богу, есть суть) своими словами, не двизовскими. На рубеже XX-XXI веков, а в России в XXI, произошла информационная революция, IT – революция. Это общеизвестный факт. За этим одновременно последовали революционные изменения в языке (языках), о чем тоже в той или иной степени говорилось. Но революция произошла и в человеческой речи. В диссертации очень подробно и квалифицированно описываются уклонения от речевой «правильности» нынешней молодежи,

абитуриентов и студентов. Анализируются и причины катастрофы. Но я чем дальше, тем больше задумываюсь, а что если это всё не просто груды непрерывных напастей, а, возможно, новая реальность. Мне вспоминается первое посещение Англии, и не где-нибудь в Ньюкасле, а в Виндзоре. Молоденькая официантка обратилась ко мне, судя по интонации, с вопросом: Чюлякч? Я, конечно, sorry. Она на той же ноте, не меняя ни звука: Чюлякч? С третьего раза я понял, что имеется в виду ду ю лайк ит?

Не где-нибудь, а в Париже хочу получить свои кровные в банке. Девочка в окошечке произносит, опять же с вопросительной интонацией: физдантэ? Тут уже моей догадливости не хватило. Тогда она сменила речевую тактику: паспóр? Я понял: она хотела увидеть какие-нибудь мои документы: пъес дидантите (pieces d'idendite'). Выйдя из банка в холодном поту (я полагал, что понимаю французский), зашел в магазин, где хотел расплатиться чековой книжкой: 90-е годы. Лощёный продавец (за 30) учтиво произнёс: Во пьес дидантите, monsieur. Я вздохнул с облегчением. Разница поколений, ну и культур.

В родном для меня МДТ – Театре Европы я иногда встречаюсь в закулисном буфете с представителями уже относительно молодого поколения: Ксенией Раппопорт, Елизаветой Боярской, Дániлой Козловским. Они втроём заняты в уникальных спектаклях. Замечательно общаются. У них великолепный русский язык, а у Ксении так просто элитарный. Но когда они при мне начинают говорить между собой, я перестаю их понимать. И не потому, что слэнг. Слэнга нет. Другая скорость речи, другие редукции (чулякч, физдантэ, сюжужутый сък), другие артикуляционные уклады! Это не недостатки, это просто другая речь. В финале одного из своих фильмов Козловский говорит героине: Я сюрабусабой. Я пошел его стыдить: Ну ты же Гамлета играешь, Фердинанда, Лопухина. Там ты так не говоришь! Он взорвался: Валерий Николаевич, нельзя же говорить: я всё время буду с тобой. – Почему?! – Потому, что так не говорят! Так говорят только на сцене!

Не означает ли скопление тех или иных речевых, с нашей точки зрения, безобразий, глубокую и необратимую мутацию речевых средств, которую мы,

выросшие в другие времена, пытаемся по-лысенковски обратить вспять. Ну, не совсем по-лысенковски. Конечно, знакомство с предшествующими культурами, даже вживание в них и есть образование.

Но Двизова, не набравшись смелости это сформулировать, изучает именно эту, новейшую реальность и с ней уже смело и дерзко экспериментирует.

Одна из причин мутации (а что такое революция, как не тотальная мутация?) – новое перераспределение функций речи между речевыми эффекторами и пальцами рук. Речь больше чем наполовину ушла в клавиатуру. Когда я говорю, допустим, внуку: позвони туда-то и узнай, он отвечает – а написать нельзя? – А почему не позвонить? – Ну писать проще.

Когда-то Бродский охарактеризовал Фрейда, как человека, установившего «мост, соединяющий пах и мозг». Двизова устанавливает мост между рукой и речью. Когда-то, еще в 70-е годы XX века М. М. Кольцова предпринимала исследования о связи мозгового управления речью и руками (жесты). Вот уж была провидица. Двизова работает в эпоху, когда идеи М. М. Кольцовой живут и побеждают. Чем больше человек имеет дело с клавиатурой, тем больше редуцируется его речь. Это неудивительно. Речевые дифференцировки в миллион раз сложнее работы с клавиатурой компьютера, даже самой виртуозной. Когда мне нужно побывать в магазинах электроники, я непременно беру с собой переводчика. Не только из-за незнания специальных слов, но и потому, что я просто не понимаю что говорят эти специалисты. От «переводчика» требуется только быть молодым. Он без малейших затруднений понимает всё. Я при немалых усилиях не понимаю практически ничего. Если начать переспрашивать, молодые продавцы (официанты, стюардессы, курьеры) оказываются способны к милосердию и переходят на речевой темп бабушек и дедушек. Потенциально они к этому способны. Как не удивительно, мутированной речи я не встречал пока у молодых медиков.

Итак, все эти речевые изменения можно описать как ужас ужас ужас. Ну ужас. Но в общем для нас, людей своего времени и своих культурных устоев. Можно однако воспринимать всё это как новую реальность, так сказать, речь будущего.

Елена Викторовна на это способна и будучи еще молодым человеком, и будучи матерью троих детей, волнса-ноленс эту новую реальность представляющих.

Именно это всё и позволило ей попасть в самую точку: рассмотрение нейромоторных, психомоторных связей между пальцами и артикуляционными органами. Она рассматривает эти связи как в фундаментальном, так и в чисто практическом аспектах. На основе фундаментальных разысканий ею создана развернутая методика работы над речью с помощью согласованно-рассогласованного взаимодействия рук и речевого анализатора. Речедвигательная тренировка, но чрезвычайно уточненная и конкретизированная. Конечно, для окончательных выводов надо бы всё опробовать, так сказать, *in vivo*, на себе, но боюсь, для этого мне может не хватить оставшейся жизни. Впрочем, я верю в предложенное в диссертации и так: что-то из занятий Е. В. Двизовой я смотрел в видеозаписи. Меня это убедило.

О недостатках писать не стану, их мало. Из пожеланий – хотелось бы, ко всему прочему, получить определение, что же считать дикционной нормой, близостью к ней или удаленностью от неё. Именно теоретически, вне зависимости от наличной ситуации. Но это, я думаю, потребует фонологического похода.

В целом же, я без колебаний считаю диссертацию Е. В. Двизовой полноценным научным трудом, отвечающим всем требованиям ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автора достойной искомой ученой степени.

*Согласен
заверяю
Галендеев*

В.Н. Галендеев,
доктор искусствоведения,
профессор кафедры сценической речи
ФГБОУ ВО «Российский государственный
институт сценических искусств»,
заместитель художественного руководителя
ФГБУК «АМДТ - Театр Европы»,
Служебный адрес: 192 002 Санкт-Петербург,
ул. Рубинштейна, д. 18.
Тел.: 8-831-400-03-74. E-mail: mdt-dodin.ru